

**ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)**

**Иванюкович Т. А.,
научный руководитель д-р ист. наук Дацышен В. Г.
*Сибирский федеральный университет***

Применение в исторических исследованиях понятийного аппарата и методологии других отраслей гуманитарного научного знания сравнительно недавно стало частью практики историков. Междисциплинарный подход позволил не только пересмотреть сложившиеся представления о тех или иных исторических проблемах, но и сформулировать новые, ранее не поднимавшиеся проблемы. Немаловажно и то обстоятельство, что отказ историков от дисциплинарной изоляции сделал возможным теоретизирование исторической науке, «лишенной философского взгляда на мир и на свою собственную природу», которая до начала XX века понималась лишь как «копилка фактов» [2, С. 19].

С особым вниманием отнеслись к междисциплинарному подходу медиевисты, которые одними из первых предприняли попытку интеграции теоретических концептов в анализ исторических феноменов, и в частности, феноменов европейского Средневековья. Благодаря таким историкам, как Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и ряду других, в словарь медиевистики прочно вошли понятия «психика», «ментальность», «идентичность», «образ», и что самое важное, «человек». Антропологическая перспектива с ее идеалистическим и гуманистическим посылом стала ведущей парадигмой в современных исторических исследованиях.

Несмотря на бурно развивающиеся направления исторической антропологии, психоистории, истории ментальностей, сегодня мы находимся еще только в начале того сложного пути, который мы выбрали, поставив задачу разгадать тайну человека в истории. В этом отношении, одним из самых сложных вопросов, который в своих работах многие историки лишь только обозначили, является вопрос об идентичности. Именно анализ идентичности как самопонимания человека в мире позволяет преодолеть ту границу, которая разделяет историка и объект его исследования. Извечная проблема переноса представлений историков, принятых ими в силу влияния их времени и культуры, на те исторические явления, которые они изучают, решаема за счет попытки говорить о людях прошлого их словами, определять их так, как определяли себя они сами. Таким образом, исследования идентичности являются важными не только с точки зрения знания об истории как процессе, но и с точки зрения освобождения истории как науки от устоявшихся догм.

Понятие идентичности тесно связано с понятием ментальности, под которой понимается «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом» [3]. Восприятие мира, на чем настаивал еще Э. Гуссерль, развивая свое феноменологическое учение, поставлено в прямую зависимость от того, какое место для себя отводит в нем человек. Таким образом, идентичность является фундаментом ментальности, гарантом ее стабильности и условием будущих изменений. Именно поэтому, как утверждает, отечественный историк И. Ю. Николаева, анализ проблемы идентичности является важным шагом к пониманию ментальности, а

анализ ментальности сквозь призму теорий идентичностей «представляется наиболее перспективной исследовательской стратегией»[4, С. 71].

Между тем, обращаясь к проблеме идентичности, а вместе с тем и ментальности, историк сталкивается с серьезными трудностями. Дело в том, что историю, прежде всего как социальную науку, интересуется человек в общественном измерении. В свою очередь, идентичность – это сложная психическая структура, которая существует как интеграция личностного и социального. В современной психологии принято соответствующее разделение на индивидуальную и коллективную идентичность. Если первая представляется как понимание себя в качестве отдельной, уникальной личности, то вторая – как понимание себе в качестве части какого-либо социального организма. Среди психологов нет единого мнения относительно того, каким образом эти два воплощения идентичности коррелируют между собой. Так, З. Фрейд, будучи одним из пионеров исследований идентичности, отстаивал идею, согласно, которой идентичность как социальное самоопределение невозможна. В свою очередь, его ученик А. Адлер напротив рассматривал идентичность как преимущественно социальный феномен. Наиболее последовательной представляется позиция британского психолога Г. Тэджфела, разработавшего концепцию социальной идентичности. Термином «социальная идентичность» Г. Тэджфел обозначал синтез личностной и групповой идентичности, которые виделись им как взаимодополняющие и взаимозависимые Я-концепции. Именно этому единству, целостности идентификационных установок никогда не уделялось должного внимания со стороны историков, между тем, это может привести к искажению понимания коллективной идентичности и ментальности. Историк должен быть методологически подготовлен к скрупулезному отбору фактов и явлений, позволяющих выделить то общее, что может характеризовать ту или иную групповую идентичность.

Другая сложность исследования идентичностей в истории, тесно связанная с вышеупомянутой проблемой, лежит в плоскости понимания взаимосвязи идентичности и культурной среды. Вопрос о том, насколько правомерно связывать мир психики и мир эмпирических процессов, стоит здесь особенно остро для российской историографической традиции. Будучи тесно связанная с марксистским материализмом, до сих пор во многом находящаяся под его влиянием, эта традиция отказывается от идеи какой бы то ни было роли сознания в историческом развитии. Преодоление этого интеллектуального шовинизма в отношении альтернативных теорий становится очень важной задачей для историка, который должен привести достаточное количество аргументов, в пользу идеи ментальности как движущей силы исторического процесса, идеи, выдвинутой представителями школы «Анналов». В качестве таких аргументов историк может использовать теории современных философов (М. Мерло-Понти), психологов (Дж. Миллер) и даже ряда биологов когнитивного направления (Л. Хофстедтер). Сегодня среди них большой поддержкой пользуется представление об активности человеческого сознания, его определяющей роли в организации внешнего мира.

Идентичность, будучи очень широким понятием, как предмет исторического исследования всегда должна уточняться. Здесь выбор историка зависит как от его научных интересов, так и актуальности в связи с современной ему ситуацией. Так, например, в свое время Ж. Ле Гофф обратился к анализу идентичности средневековых интеллектуалов, а Ф. Арьеса интересовала идентичность ребенка в конце XVI – начале XVII веков. Как представляется, в нынешних условиях одной из самых важных является более глобальная тема – тема европейской идентичности. С одной стороны, это связано с тем, что как цивилизационная идентичность она является самой цельной на сегодняшний день, что делает ее уникальным объектом, но с другой стороны, в то же

время именно европейская идентичность переживает сегодня удивительные трансформации, нехарактерные для других культурных идентичностей. Исследование идентичности в истории, как и любое другое историческое исследование, должно начинаться с истоков – с генезиса. Чтобы определить специфику европейской идентичности, необходимо ответить на вопрос о том, когда именно европейцы стали чувствовать себя европейцами.

Искать ответ на этот вопрос необходимо, обращаясь к анализу периода раннего Средневековья. С крушением Римского миропорядка мы можем наблюдать процесс локализации христианства, вызванный распространением ислама на Ближнем Востоке и в Магрибе, упадком «дорожной цивилизации». В этот период понятие «Европа» употребляется исключительно в привязке к христианству, а европеец для средневекового человека понимается как христианин. Границы христианского влияния к 1000-му году стали совпадать с границами Европы. Итак, европейская идентичность, прежде всего, зарождалась как религиозная идентичность.

Этот факт имеет большую значимость для определения сущности европейской идентичности. Как показал Ж. Делюмо, укрепление христианства привело к формированию необоснованного комплекса вины, который в эпоху Средних веков компенсировался за счёт продажи индульгенций и воплощался как культ идеи первородного греха[1]. На нормативном уровне, человек обозначает в качестве нормы какую-либо уникальную личностную характеристику и считает своим долгом соответствовать ей, чему примером может послужить куртуазность, которая автоматически приписывала подобные характеристики обширной социальной группе рыцарей-феодалов.

Исторический анализ европейской средневековой идентичности невозможен без исследования образов Другого, отталкиваясь от которых общество самоопределяется и вырабатывает культурные механизмы своего развития. Таким значимым цивилизационным Другим для христианина-европейца стал мусульманин. Так участники Крестовых походов, взаимодействуя с мусульманским миром, пользовались уже укоренившимися в Европе образом мусульман как язычников, безбожников, вообще персон, наделённых всеми негативными качествами христианской системы ценностей. Видя значительные расхождения между реальными мусульманами и этим образом, крестоносцы по-прежнему сохраняли верность изначальному их восприятию, списывая эти отличия на коварство самих мусульман. Сегодня мы продолжаем наблюдать это подчеркнутое дистанцирование европейского мира от мусульманской культуры, которое является во многом фундаментом идентичности европейцев.

Именно такая европейская средневековая идентичность как христианская, как идентичность, основанная на чувстве вины и формируемая в оппозиции к исламу, представляет большой интерес в области современных исследований ментальностей.

Список литературы

1. Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII вв.) / Пер. с франц. И. Б. Иткина, Е. Э. Ляминой, Е. И. Лебедевой, А. Г. Позельской под ред. Д. Э. Харитоновича. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2003. – 752 с.

2. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3 вып. Вып. II. Становление «новой исторической науки» / Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2003. – 178 с.

3. Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1852.html> (дата обращения 11.03.2014).

4. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2010. – 410 с.